

Д.В. ИВАНОВ, Ю.В. АСОЧАКОВ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор Северо-Западного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы; заведующий кафедрой теории и истории социологии (dvi2001@rambler.ru); АСОЧАКОВ Юрий Валентинович – кандидат философских наук, доцент (yasochakov@yandex.ru). Оба – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Представлен критический анализ дискурса цифровизации, отражающего менеджериально-бюрократическую апроприацию практик виртуализации социальных процессов. На основе данных эмпирических исследований показано превращение использования цифровых технологий в социальную рутину российских мегаполисов – Москва и Санкт-Петербург. Для раскрытия противоречий и направленности цифровизации предлагается развитие критической теории общества – эволюции неомарксизма Франкфуртской школы. Тотальность структур господства и форм социального контроля в постиндустриальном обществе анализируется на основе авторской концепции алгоритмической рациональности, сменяющей технологическую рациональность позднеиндустриальной эпохи. В качестве потенциала ухода из-под контроля алгоритмической рациональности представлены тенденции поствиртуализации и микродвижения в повседневности, образующие бунт аутентичности против принудительной цифровизации социальной жизни.

Ключевые слова: цифровизация • критическая теория • алгоритмическая рациональность • поствиртуализация

DOI: 10.31857/S013216250024389-0

Введение: технократический дискурс и рутинность цифровизации. Цифровизация стала одной из популярнейших тем отечественной социологии. Поиск в базе данных *elibrary.ru* выдает за 2018–2022 гг. 1856 журнальных статей по тематике «Социология», содержащих в названии слово «цифровизация»; за пятилетку 2013–2017 гг. в базе 1(!) такая статья¹. Резкий подъем интереса к проблематике цифровизации симптоматичен. Но в большинстве случаев российские исследователи в работах по цифровизации не столько развивают инновационную отрасль социологии, сколько формируют дискурс, следующий в русле менеджериального дискурса цифровизации, возникшего в 1990-х гг. [Tapscott, 1995]. Этот дискурс подхвачен российскими социологами в последние годы вслед за спичрайтерами госчиновников; манифесты вроде программы «Цифровая экономика Российской Федерации» служат базовыми референтами для исследователей наряду с западными академическими источниками [Selwyn, 2019].

В разнообразии используемых в публикациях о цифровизации парадигм и методов в академических текстах обнаруживается доминирование общего подхода. Социальные изменения представлены как эффекты технологических инноваций и управленческих решений, как формы адаптации к ним. Технократический, менеджериально-бюрократический

Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 21-18-00125.

¹ См. также [Смирнов, 2023], где анализируются публикации ведущих социологических журналов за период с 2000 г. по 2021 г. с целью изучения особенностей влияния цифровизации общества на социологию.

Таблица

Распределение ответов респондентов в Москве и Санкт-Петербурге на вопрос о частоте использования Интернета, % от числа опрошенных

Показатели	Москва		Санкт-Петербург	
	2020	2022	2020	2022
Пользуются ежедневно	87,2	92,7	83,7	94,8
Несколько раз в неделю / месяц / год	5,5	4	6,1	3,5
Практически / совсем не пользуются	7,1	3,2	9,7	1,7

дискурс не критически демонстрирует оптимизм в отношении цифровизации – очевидно, запоздалый. Данные массовых опросов свидетельствуют о рутинном использовании цифровых технологий населением. Доля ежедневно пользующихся Интернетом, по опросам ВЦИОМ, на протяжении 2022 г. колебалась в диапазоне 71–77%².

На моральное старение дискурса цифровизации указывают данные о превращении использования цифровых технологий в социальную рутину в центрах постиндустриального развития – мегаполисах, где доля ежедневно пользующихся Интернетом выходит на уровень 90–95%³ (табл.).

О рутинности цифровизации свидетельствуют ответы об использовании цифровых технологий в практиках работы, потребления, общения. О регулярном использовании компьютера или мобильного телефона для обсуждения и решения рабочих вопросов в 2022 г. заявили больше половины респондентов: 56,5% в Москве и 52% в С.-Петербурге. Две трети (67% в Москве и 61% в С.-Петербурге) регулярно используют цифровые устройства в банковских операциях. На цифровых платформах совершали покупки в прошедшем году две трети: самую популярную из платформ Ozon упомянули 67% в Москве и 63% в С.-Петербурге. Регулярное общение с друзьями и близкими через социальные сети отметили 44,7% в Москве и 48,5% в Петербурге, через мессенджеры – 81,3 и 77,2% соответственно.

Социальными сетями пользуются 80% (Москва) и 84% (Санкт-Петербург) респондентов, которые вообще используют Интернет. Большинство предстает преимущественно потребителями контента, которые просматривают новости, читают посты других пользователей, смотрят видео, слушают музыку. Создание контента, то есть размещение собственных постов (ведение блогов, выкладывание текстов, историй, фото, видео, картинок и т.д.) – частая практика менее чем 15% интернет-пользователей. Преимущественно пассивная/формальная включенность в практики использования цифровых платформ – симптом отчуждения от структур, их рутины.

Отчужденность пользователей от цифровых платформ выражено отношением к цифровым коммуникациям как обременительным, навязанным, дискомфортным. Симптомы того, что принудительная виртуализация коммуникаций, практикуемая корпорациями и бюрократией, ведет к отчуждению, видны в данных о практиках обращения на портал «Госуслуги». О пользовании порталом госуслуг заявили 91,2% интернет-пользователей в Москве и 87,3% в С.-Петербурге. Частым это использование назвали меньше трети из них, столкнулись с трудностями при использовании 47% в Москве и 44% в С.-Петербурге.

Отчужденность от навязываемых цифровых технологий показали ответы на вопросы об использовании так называемого искусственного интеллекта (ИИ). С навязанным

² ВЦИОМ. Пользование Интернетом. 2023. URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 02.02.2023).

³ Данные получены в ходе двух исследований, проведенных методом телефонного опроса Ресурсным центром Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования» (проекты № 106-16435 и № 106-27799) по квотным выборкам (квотирование по полу и возрасту). N = 356 (2020) и 600 (2022) в Москве; 420 (2020) и 600 (2022) в С.-Петербурге. Ошибка для каждой выборки не превышает 5% с вероятностью 95%.

общением с имитирующим человеческую речь цифровым устройством в прошедшем году приходилось иногда или часто иметь дело 79,5% респондентов в Москве и 78,8% в С.-Петербурге. Когда выбор, использовать или нет виртуальных собеседников, остается за пользователями, респонденты гораздо реже обращаются к ИИ. В прошедшем году часто или иногда пользовались услугами голосовых помощников на компьютере и «умными колонками» 26,3 и 26,5% респондентов в Москве и 26,1 и 18,7% в С.-Петербурге.

Данные о рутинности навязывания цифровых технологий показывают, что актуальным для социологов является изучение цифровизации не как инновационного/трансформационного процесса, а как обыденности практик, укорененных в сформированных социальных структурах и нормативных порядках. Привнесение в социологию технократического дискурса в этом смысле является не просто запоздалым, а попятным движением: процессы, представляемые в нем как новые и трансформационные, уже с конца прошлого века изучаются социологами под другими названиями: информатизация, компьютеризация, виртуализация [Castells, 1996; Bühl, 1997; Иванов, 2000].

Цифровизацией в России принято называть комплекс процессов, переводящих существующие практически четверть века социальные структуры и взаимодействия на монополизируемые и контролируемые государством и корпорациями сетевые информационно-коммуникационные платформы. Ограничивая возможности интеракций и получения социальных услуг цифровым форматом, поборники цифровизации провоцируют дискриминацию и нарушение базовых прав граждан, подрывают функционирование, развитие социально-экономических структур, прогрессу которых цифровизация призвана способствовать. В бизнесе и публичной сфере сейчас актуальны решения на базе концепций омниканальности, инклюзии, создания дополненных реальностей. В этом отношении российский дискурс цифровизации и его принудительное одностороннее внедрение в общественную жизнь отстают от практик продвинутых пользователей цифровых технологий и вызывают эффект отчуждения у тех, кто эти технологии осваивает и включает в привычный образ жизни. Цифровизация в ее нынешнем виде противоречит гуманистическим ценностям и традициям, конституирующим российскую общественную жизнь, технико-экономическим императивам опережающего развития.

На фоне эмпирически обнаруживаемых признаков превращения использования цифровых технологий из свободной активности, творчества и общения в отчужденное бытие актуален критический подход к цифровизации – в разных формах и разных парадигмах. В данной статье предложен анализ критики цифровизации, стихийно идущей в русле неомарксизма, продолжающих традицию Франкфуртской школы, и авторская концепция критической теории цифровизации, опирающаяся на эмпирические данные и диалектическое развитие неомарксистской критики инструментальной и технологической рациональности.

Цифровизация в терминах критической теории: диалектика господства и эмансипации. Критика цифровизации и ее эффектов сейчас находится в тени многоголосого и доминирующего аффирмативного дискурса. Но нарастающая научная и общественно-политическая актуальность этой критики все больше осознается социологами. Ряд исследователей обращает внимание на неоднозначность результатов цифровизации: форсированное и вынужденное внедрение цифровых технологий не ведет к расширению свободы, повышению качества жизни и эффективному функционированию социальных институтов, провоцируя рост неравенства, сегментацию и сегрегацию, подчиняя частную сферу государственному контролю [Григорьева, 2022]. Исследователи практик использования «умных» устройств для селф-трекинга выявляют двойственное отношение пользователей: то позитивное восприятие этих форм контроля, то попытки освободиться от них [Давыдова и др., 2021]. Критику двойственности цифровизации продолжает концепция ее фундаментальной «амбивалентности» – сочетание тенденций организации и дезорганизации вследствие навязывания «рационально-формальной» модели цифровизации, ведущего к хаотизации и дегуманизации [Кравченко, 2022]. Симптоматично: в критическом дискурсе двойственности/амбивалентности цифровизации либо прямо используются отсылки к идеям Маркса

и Адорно [Григорьева, 2022], либо неомарксистская схема диалектики формальной рациональности, превращающейся в собственную противоположность, используется без ссылок и без рефлексии источников и логики этой схемы [Кравченко, 2022].

Критики цифровизации стихийно обращаются к терминологии и логике анализа социальных процессов, которую в прошлом предложили неомарксисты Франкфуртской школы и частично продолжили французские постструктуралисты. В обращении к критической теории нет последовательности: для российских исследователей характерно рассмотрение цифровизации как объективного и фундаментально позитивного процесса, в котором ими противопоставляются друг другу негативно оцениваемая глобалистская цифровизация и принимаемая за истинно прогрессивную цифровизация по некоей «национально-культурной модели», обеспечивающая развитие общества и поддержание культурной идентичности [Кравченко, 2022; Бальчиндоржиева, Золхоева, 2022]. Такой подход замыкает критику негативных аспектов и эффектов цифровизации в рамках менеджериально-бюрократического дискурса. Критика цифровизации превращается в некритический дискурс, утверждающий объективность и истинность процесса и предлагающий лишь иерархию оценок моделей процесса.

Для полного раскрытия противоречий и подлинной направленности цифровизации необходима теория, отправным пунктом которой должна быть критическая деконструкция аффирмативного дискурса политиков, управленцев и разработчиков цифровых сервисов, объективирующих цифровизацию и представляющих ее как инновационный процесс. Вскрытие запоздалости дискурса цифровизации открывает перспективу деконструкции его как выражения господства и отчуждения, характерных для продвинутого постиндустриального капитализма. Идеологи и агенты цифровизации легитимируют свои претензии на доминирование «инновационностью», в действительности не создавая новые социальные практики, следуя за уже возникшими. Они лишь внедряют инструменты, которые приносят экономические и политические выгоды за счет масштабирования созданных до них практик и перевода их на подконтрольные государству и крупным корпорациям цифровые платформы. Дискурс цифровизации отражает не социальные инновации, а менеджериально-бюрократическую апроприацию (присвоение) рутинных практик виртуализации социальных процессов.

В мировой социологии востребованность критической теории отражена в серии работ, в которых ведущие исследователи от деконструкции идеологизированности менеджериально-бюрократического дискурса цифровизации [van Dijck, Nieborg, 2009; Fisher, 2010] перешли к попыткам применить марксистскую критику политэкономии и неомарксистскую критику технологической рациональности к анализу роста сетевого капитализма и цифрового отчуждения [Fuchs, Sevignani, 2013; Bilić, 2018; Delanty, Harris, 2021]. Наиболее полно эта тенденция теоретизирования выражена в работе Р. Хассана «Состояние дигитальности» [Hassan, 2020]. Цель автора – связать доцифровую критическую теорию с новыми условиями существования человека, чья естественная «аналоговая» сущность отчуждается во всепроникающую систему цифровых алгоритмов. Алгоритмы – новая форма инструментализации разума, замещают собой осознанное действие и свободу выбора. Это новое отчуждение – главная проблема эпохи. Подход Хассана, называемый им постмодернистским марксизмом, из-за отсутствия в нем диалектики выглядит скорее консервативной риторикой «аналогового гуманизма», направленной против негативных эффектов «цифрового капитализма».

Диалектика цифровизации, игнорируемая Хассаном, обнаруживается в его критике «калифорнийской идеологии» (техно-либертарианизма) как альтернативного мышления, соединившего идеи хиппи и бизнес-идеи 1960-х гг. и полагающего человеческую свободу достижимой не через институты современной политики, а через компьютерные сети [Hassan, 2020: 10]. Это техно-либертарианское движение и его результаты в перспективе, предложенной Хоркхаймером и Адорно в «Диалектике просвещения» [Adorno, Horkheimer, 1947] и Маркузе в «Одномерном человеке» [Marcuse, 1964], позволяет видеть характерный

паттерн: движение к эмансипации превращается в свою противоположность – систему господства, чреватую новым отрицанием в виде следующего освободительного движения. Без этой диалектической перспективы утрачивается критический потенциал ключевой идеи Хассана о роли алгоритмизации как драйвера нового отчуждения.

Стремление к диалектическому подходу в приложении классических идей критической теории Франкфуртской школы к анализу процессов цифровизации прослеживается в работах Д. Берри и К. Фукса [Berry, 2014; 2015; Fuchs, 2014; 2016]. Берри, отталкиваясь от идей Хоркхаймера и Адорно о превращении культуры как сферы человеческого творчества в отчужденное функционирование культур-индустрии, разработал концепцию диалектики компьютеризации как превращения демократизации цифровых технологий в систему тотального контроля. Человек из актора становится *компактантом* (compactant) – отчужденным субъектом компьютерного капитализма. Перспектива критического анализа такого капитализма и сопротивления ему связана с тем, что цифровое внутренне противоречиво. В нем есть поверхностные слои символического, абстрактного. На них сфокусировано внимание. Но есть и фундаментальные слои аналогового, материального – кремниевый субстрат, физическая реальность цифровых устройств и их производства, телесная и ментальная реальность разработчиков, пользователей. Чувственная сторона цифрового должна стать основой постцифровой эстетики как теории и практики выхода за пределы одномерного поверхностного слоя цифрового.

Наиболее последовательный и сильный акцент на диалектическом подходе в развитии критической теории цифровизации демонстрируют работы К. Фукса [Fuchs, 2014; 2016], который опирается на весь комплекс идей Франкфуртской школы как важнейшую традицию XX в., которая должна быть обновлена применительно к реалиям XXI в. Цель Фукса – построение критической теории коммуникации, идущую дальше Хабермаса, чья теория коммуникативного действия не учла цифровизацию. Опираясь на диалектический анализ базовых категорий марксизма у Маркузе, Фукс рассматривает цифровые медиа как инструменты/технологии господства и в то же время освобождения, а практики цифровой коммуникации как противоречивое единство труда и игры (playbour). Разрешение противоречий современного общества видится в апроприации подконтрольных корпорациям и государству цифровых медиа простым народом (commons) в процессе реальной социальной борьбы.

Несмотря на тщательную реконструкцию схем классиков Франкфуртской школы, теория Фукса не является по-настоящему критической. Ей недостает диалектического развития, синхронного трансформациям общества. Репрезентация капитализма XXI в. в терминах первой половины XX в. – инструментальный разум (Хоркхаймер) и технологическая рациональность Маркузе – противоречит принципам критической теории и тому, к чему стремились классики Франкфуртской школы – радикально обновить марксизм сообразно новым социально-историческим условиям. Через более чем полвека после «Диалектики просвещения» и «Одномерного человека» вписывать цифровизацию в категории, релевантные индустриальному капитализму, является стратегией догматической, а не диалектической теории.

В лучших образцах критики цифровизации у Р. Хассана, Д. Берри, К. Фукса можно найти отдельные идеи для разработки новой критической теории. Но в них нет ключевого решения – соединения новой концепции отчуждения, сфокусированной на виртуализации и алгоритмизации, с концепцией исторической динамики капитализма, движимого диалектикой господства и эмансипации. И это соединение должно быть осуществлено на основе фундаментального принципа: специфический способ существования критической теории – ее перманентное диалектическое развитие, не дающее ей выродиться в ритуальный аффирмативный дискурс.

Наиболее полной реализацией принципов критической теории, заложенных в ее проекте середины 1930-х гг. [Horkheimer, 1937; Marcuse, 1937], предстает цикл работ Г. Маркузе: «Разум и революция» (1941) – «Эрос и цивилизация» (1955) – «Одномерный человек» (1964). Это вехи теоретизирования, нацеленного на негативный анализ тотальности господства и выведение идеи освобождения из эмпирически фиксируемых тенденций

отрицания этой тотальности. Диалектическое развитие понятия свободы у Маркузе образует линию 'Разум – Эрос – Пост-технологическая рациональность'. В ней хорошо просматривается гегелевская парадигма 'Тезис – Антитезис – Синтез'. Диалектическое развитие понятия свободы через отрицание прежнего у Маркузе – результат анализа того, как капитализм трансформировался от раннеиндустриальной стихии рыночной конкуренции и политической конфронтации к рационально организованной системе монополий, государственного контроля и массовой культуры и далее к позднеиндустриальной системе комфортабельной несвободы в обществе потребления.

Непреднамеренным результатом теоретизирования Маркузе стало открытие общего паттерна диалектики современности. Развитие общества происходит через отрицание сложившейся системы господства – антисистемными аутсайдерами с их утопиями, антиобщественным образом жизни и подрывными движениями, которые превращаются в собственную противоположность, абсорбируются и становятся источником новой нормативности системы господства, открывающей следующий цикл негативной диалектики.

Диалектическая схема, согласно которой освободительные движения сегодня оборачиваются новыми формами социального контроля завтра, работает и через десятилетия после публикации последних работ Маркузе. Применяя эту схему к последующим событиям и тенденциям, можно прийти к выводу, что посттехнологическая рациональность, протест меньшинств и новых левых из идей и практик, бывших «Великим отказом» – радикальным отрицанием одномерного общества в 1960-х гг., превратились к началу 2000-х гг. в новые формы комфортабельной несвободы. Эти формы теперь существуют как гибкие структуры постфордизма, адаптированные под разнообразие потребительского спроса, под стандарты «ответственного потребления» и «климатическую повестку», а также как жестко навязываемые нормативы репрессивной толерантности, позитивной дискриминации и «новой этики».

Диалектическая версия критической теории (Маркузе) при всех сходствах терминологии и риторики существенно отлична от догматической версии (Хоркхаймер, Адорно) и компромиссной версии (Хабермас). Она открыта для дальнейшего развития [Немецкая социология, 2003: 377–410]. Поэтому для разработки критической теории цифровизации в наибольшей степени подходит маркузеанская версия. В контексте общей диалектики современности тенденции виртуализации общества конца XX в. предстают отрицанием тотальности господства, уходом из-под контроля институтов позднеиндустриального общества – структур «одномерности». А цифровизация начала XXI в. – это абсорбция антисистемных и контркультурных движений системой господства и апроприация созданных ими альтернативных структур. Виртуализация замещает материальные объекты и реальные действия образами и коммуникациями. Социальные отношения принимают форму отношений между образами, а привычные социальные структуры – интеракции и институты вытесняются сетевыми структурами. Контраст между виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим на рубеже XX и XXI вв., когда энтузиасты новых технологий и экономики, включая адептов критикуемой Р. Хассаном «калифорнийской идеологии», создавали виртуальные структуры, избегающие контроля реифицированных институтов и локальных порядков интеракций. Сейчас, ближе к середине нового столетия, виртуальная реальность образов и коммуникаций, цифровые платформы виртуализации перестают быть социальной экзотикой, становясь рутинной обыденностью. Большинство населения погружено в виртуальную реальность образов и коммуникаций и непрерывно вовлечено в использование цифровых технологий. Особенно это характерно для крупнейших городов.

Последнее по времени проявление «Великого отказа» – «Великий исход» тех, кто практиковал сетевой эскапизм, виртуализацию как эмансипацию, теперь превращается в свою противоположность и становится основой системы тотальной социализации на цифровых платформах. Из ранних практик хакеров, киберпанков, активистов копиленфта вырастает система коммодификации, отчуждающая не только привычный труд в рабочее

время, но любые повседневные практики общения, потребления, обучения, лечения и т.д. Несвязанные институциональными рамками контрактных отношений, формально свободные от технологических корпораций пользователи сетевых платформ непреднамеренно создают для собственников и топ-менеджеров стоимость гораздо большую, чем труд персонала этих компаний.

С точки зрения критической теории цифровизация – это перевод социальных структур и взаимодействий на сетевые информационно-коммуникационные платформы, функционирующие на основе цифровых технологий. Цифровизация инструментально реализует и технически оформляет давно идущие процессы виртуализации общества. Цифровые технологии так стремительно развиваются в последние десятилетия потому, что оказались наиболее эффективным средством виртуализации социальных процессов. Не цифровизация виртуализирует общество, а виртуализация общества вызывает цифровизацию.

Однако менеджериально-бюрократический дискурс цифровизации, господствуя в публичной сфере и социальных науках последние годы, переворачивает соотношение социальных и технологических аспектов трансформации общества, соотношение виртуализации и цифровизации. Цифровые технологии фетишизируются. В перспективе критической теории технократическая фетишизация цифровых платформ и алгоритмов, выдаваемых за «искусственный интеллект», раскрывается как отражение апроприации государством и корпорациями рутинных практик виртуализации социальных процессов и отчуждения человеческой субъективности/субъектности в цифровые платформы. В алгоритмах и интерфейсах этих платформ легко обнаружить не сверхчеловеческую силу «высоких технологий», а ограниченную рациональность и зауженный горизонт культурного опыта погруженных в социальную рутину конкретных разработчиков и тестировщиков.

Выявить эмпирически паттерны фетишизации алгоритмов и интерфейсов, разрабатываемых и используемых людьми, – важная задача критической теории цифровизации. Однако более фундаментальная задача такой теории – аналитически выявить новую форму рациональности, лежащую в основе современной тотальности господства. Стремление Р. Хассана, Д. Берри, К. Фукса и других продолжателей традиции Франкфуртской школы определять рациональность «цифровой эпохи» как инструментальную или технологическую ведет к утрате историчности и диалектического характера критической теории, к превращению ее в ритуал, догматизирующий классику середины прошлого века.

К новой диалектике: алгоритмическая рациональность и логика поствиртуализации. В современных условиях критическая теория должна двигаться дальше, исходя из выявленной основателями Франкфуртской школы историчности и диалектики рациональности. Понятие инструментальной рациональности Хоркхаймера и Адорно в «Диалектике просвещения» выработано в широком контексте анализа столкновения традиционной культуры, укорененной в аграрной цивилизации, с просвещением, олицетворяющим наступление индустриального общества. Рациональность, ориентированная на представление любого феномена в качестве инструмента – единичного и относительно простого объекта – орудия продуктивной деятельности или средства манипулирования людьми, не выходит за горизонт опыта крестьян, рабочих, торговцев, интеллектуалов времен раннего капитализма. Альтернатива инструментальной рациональности конструировалась как радикальное отрицание рациональности в форме высвобождения чувственности, естественных влечений, как в «Эросе и цивилизации» Маркузе, или как гуманизация рациональности через свободные и нацеленные на достижение взаимопонимания дискурсивные практики, как в «Теории коммуникативного действия» Хабермаса.

Понятие технологической рациональности Маркузе создано в совершенно другом контексте. Анализ позднеиндустриального общества массового производства и потребления приводит к концепции рациональности, ориентированной на представление реальности как сложно организованного порядка вещей, эффективное использование которых возможно только в рамках системы коллективных действий. Технологическая рациональность – концепция, фиксирующая горизонт опыта участников массовых процессов

материального и символического производства и потребления в условиях организованного капитализма. Альтернатива – посттехнологическая рациональность, соединяющая чувственность/телесность и разум, выводилась в «Одномерном человеке» Маркузе из практик контркультуры меньшинств, борющихся за право на автономный образ жизни, молодежных бунтов, антиколониалистских движений середины XX в.

В контексте продвинутого постиндустриального общества требуется переход критической теории от концепции технологической рациональности к новой форме. Её можно определить как алгоритмическую рациональность. Применительно к постиндустриальному обществу *алгоритмическая рациональность* – новая логика господства. Алгоритмическая рациональность является схемой восприятия реальности как динамичной и гибридной совокупности объектов, успешное обращение с которыми предстает как выстраивание сети отношений между ними в соответствии с программой, задающей последовательность решения стандартных задач. Именно эта форма рациональности сейчас отражает и формирует опыт подавляющего большинства производителей и потребителей, менеджеров и клиентов в условиях постиндустриального капитализма сетей и потоков.

Экспансия цифровых технологий, оправдываемая высвобождением труда в результате автоматизации производственных процессов, приводит к росту не учитываемых и не компенсируемых трудозатрат пользователей, а главное, к тому, что алгоритмическая рациональность замещает коммуникативную рациональность, человеческую субъективность и субъектность. Особенно это заметно в буме внедрения так называемого искусственного интеллекта. Сетевые платформы, организуя выдачу данных в соответствии с моделируемыми по персональным цифровым следам предпочтениями и решениями, не просто имитируют работу индивидов с информацией. Они ограничивают информационный и коммуникативный горизонт, препятствуют выбору и действиям, отклоняющимся от навязанных разработчиками и администраторами платформ схем. Дроны, боты, нейросети редуцируют интеллектуальные усилия и творческий процесс к подбору решения из массы шаблонов, организуемых на социокультурном уровне не выше достигнутого массой программистов и менеджеров. Искусственный интеллект сегодня – это отчужденное бытие заурядного разума. Вопреки технократическому энтузиазму, программируемые автоматизмы не высвобождают ресурсы, а увеличивают их расходование, повышают трудозатраты, тормозят социальное развитие. Карбоновый и кремниевое-редкоземельный следы цифровых индустрий огромны [Sharma, Dash, 2022].

Обращение к средствам искусственного интеллекта без необходимой рефлексии, тем более их фетишизация, редко становится предметом критического анализа [Тавокин, 2019]. Совершенно не разработанной остается важнейшая для критической теории проблема концептуализации сопротивления и альтернативы господству алгоритмической рациональности. В первом приближении альтернативой алгоритмичности можно представить *аритмичность* жизни, не подчиненной ритмам, навязываемым через цифровые платформы и гаджеты. Интуитивное понимание цифровых технологий как средств контроля и частичный уход из-под контроля алгоритмов, поворот от виртуальности к телесности и непосредственности опыта изредка входят в повседневные практики немногочисленных пользователей [Давыдова и др., 2021]. Их стихийный «малый отказ» далек и от маркузеанского «Великого отказа» [Marcuse, 1964], и от утопии апроприации средств коммуникации через социальную борьбу [Fuchs, 2016]. Но в полном соответствии с классическим проектом критической теории 1930-х гг. [Marcuse, 1937] в эмпирически фиксируемых, пусть маргинальных практиках саботирования, замедления цифровых ритмов, сопротивления их контролирующей силе должна быть найдена реальная основа новой утопии эмансипации.

Потенциал эмансипации полвека назад виделся в маргинальных сообществах, включаемых из одномерного общества – контркультуре хиппи, молодежных движениях, разного рода меньшинствах, населении стран «третьего мира» [Marcuse, 1964]. К началу XXI в. антисистемность и асоциальность альтернативных движений того времени была абсорбирована, апроприрована и превращена в нормативную основу репрессивной

многомерности постиндустриального общества с характерными для него формами социального контроля: структурами ответственного потребления, позитивной дискриминации, мультикультурализма и толерантности. Эти новые формы социального контроля выросли из апроприации корпорациями и государственной бюрократией практик антисистемных движений. Новые левые, новые социальные движения (экологистские, правозащитные, студенческие, пацифистские, феминистские и т.п.), неомарксизм, включая Франкфуртскую школу, теперь социально и политически стары. Практики и идеи эмансипаторов старшего поколения консервативны и аффирмативны по отношению к системе репрессивной многомерности и дополняющего ее теперь режима тотальной и принудительной виртуализации/цифровизации социальной жизни. Особенно зримо этот консерватизм и лояльность по отношению к подавлению прав и свобод проявились в активной поддержке именно леволиберальными партиями и общественными деятелями неадекватных санитарных и карантинных мер, выведших принудительную виртуализацию и господство посредством цифровых платформ на ощутимо более высокий уровень.

Перспектива эмансипации теперь – в диалектическом отрицании виртуализации и цифровизации, перешедших в режим социальной рутины. Нужно выявлять потенциал сопротивления и освобождения в тенденциях поствиртуализации в суперурбанизированных центрах, где жизнь погружена в плотные сети и интенсивные потоки и потому виртуализация и цифровизация предстают уже историей и бытом предшествующего поколения. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью становится физическое присутствие, тактильность, «аналоговый» опыт в противовес «цифровой» трансформации, аутентичность насыщенной жизни в противовес виртуальности имиджей и медийных репрезентаций. Этот ценностный сдвиг и порождает тенденции поствиртуализации.

В контексте процессов поствиртуализации тотализирующие цифровые платформы являются архаичными. Уход из-под контроля алгоритмической рациональности становится естественным движением тех, кто не хочет ни возвращения к довиртуальной архаике прошлого, ни пребывания в тотально цифровой архаике настоящего. Неотрефлексиروанный и неполитизированный бунт аутентичности против тотальной виртуальности проявляет себя в повседневных практиках создания дополненных социальных реальностей. Наглядные примеры этого можно найти в крупных городах, где сначала обычные сквоттеры и активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены создают публичные пространства, функция которых – быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью.

Общей характерной чертой публичных пространств, которые организуются и функционируют как точки доступа к реальности, является соединение вещей и практик, которые традиционно разграничивались институционально и включались в разные порядки интеракций. Устремляясь в новые публичные пространства, организуя в них поток событий, проектов, впечатлений, поддерживая при этом непрерывные коммуникации и беспрестанно обновляя контент в виртуальных социальных сетях, люди соединяют в одном месте и времени труд и отдых, потребление и производство, обучение и развлечение, обращение с реальными и виртуальными объектами. Сетевые и потоковые структуры, соединяющие в точках доступа к реальности «аналоговый» опыт и «цифровую» трансформацию, пересекают традиционные институциональные границы и взламывают привычные порядки интеракций. В результате такого взаимопроникновения разных реальностей насыщенный цифро-физический опыт современных горожан предстает как социальная жизнь в режиме дополненной реальности.

Новые тренды в потреблении, организации труда и досуга, коммуникациях и стиле жизни показали, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а вводит ее в разумные рамки и ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные

и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Таким образом, после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [Baudrillard, 1981], но становится более интенсивной и принимает общую форму, которую можно назвать «дополненной современностью» (augmented modernity).

Дополненная современность локализована в суперурбанизированных центрах. Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность крупных городов контрастирует с социальной жизнью в малых городах и сельской местности, теряющих ресурсы, в первую очередь человеческие, которые «вымываются» потоками, идущими в направлении суперурбанизированных анклавов дополненной современности. За пределами мегаполисов упадок характерных для развитого индустриального общества институтов так называемого «социального государства» (welfare state), демонтированных в ходе неолиберальных реформ, уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения, переводит общественную жизнь в режим «истощенной» современности (exhausted modernity). Диалектика дополненной современности и истощенной современности – новое структурное противоречие, новое измерение социального неравенства и отправная точка развития критической теории.

Заключение: бунт аутентичности против тотальной виртуальности. Анализ структурных противоречий позволяет выявить объективно существующий потенциал эмансипации, ухода из-под власти алгоритмической рациональности. Однако главной проблемой критической теории общества в сегодняшнем обществе остается та же, что и во времена Хоркхаймера и Маркузе. Неомарксистская критическая теория развивалась, движимая разочарованием в революционной субъектности пролетариата и левых партий, в поисках нового политического субъекта эмансипации. Революционная субъектность новых левых и контркультуры была явно переоценена. И теперь отсутствие политической субъектности должно не повергать в теоретическое отчаяние, а указывать на бесперспективность поисков драйверов трансформации в сфере политических институтов и движений, которые после виртуализации остаются лишь структурами имиджевого воспроизводства, символической легитимации алгоритмического управления. В XXI веке «революционеров» и «партизан» следует искать в повседневности, в микрополитике сопротивления социальной рутине.

После «Великого отказа» новых левых 1960-х и «Великого исхода» кибер-активистов 1990-х гг. социальными партизанами становятся относительно немногочисленные маргиналы, кто практикуют «малые исходы» в направлении поствиртуализации: молодежь (digital natives), сбегаящая в реальность жизни и избегающая цифровой архаики; мигранты из зон истощенной современности в очаги дополненной социальности; беженцы от угнетающей рутины институтов и интеракций в узлы сетей и потоков; саботажники, препятствующие нормальному выполнению алгоритмов, отстающие от заданных ими ритмов или, напротив, опережающие их. Бунт аутентичности против виртуальности отчужденного бытия, против тотальной цифровой социализации, против алгоритмической рациональности возникает из множества микробунтов и микродвижений.

Бунт аутентичности против виртуальности может вести к созданию множественных цифро-физических мини-платформ как альтернативы отчуждающим цифровым суперплатформам, может вести к возникновению множества практик свободных от их алгоритмов. Но бунт аутентичности не является источником позитивной социальной утопии. И поэтому предлагается критическая теория цифровизации, в которой бунт аутентичности предстает драйвером развития к будущей тотальности господства, а не глобальный проект общества свободы после цифровизации.

Маркузе в «Одномерном человеке» показал, что предлагающая любую позитивную альтернативу критическая теория сама быстро поглощается и утилизируется в виде аффирмативного дискурса в системе новых форм контроля, поддерживающих отчужденное бытие. Но имманентная критика и субъектность в абсорбирующей любые противоречия и альтернативы тотальности господства возможны. Эта возможность коренится в разной

динамике критической субъективности/субъектности и объективированных структур. Подвижность и аритмичность субъекта выводят его из подчиненности стабильным и монотонным объекностям. Свобода утопична как состояние, но реальна как уход в отрыв, как перманентное усилие и движение, интенсивное и опережающее процесс абсорбции альтернативных практик новыми формами социального контроля. Критическая теория, чтобы не вырождаться в разновидность традиционной и в аффирмативный дискурс, должна быть диалектической. А диалектика – это опережающее движение за пределы обыденной реальности, не просто фиксация «амбивалентности», противоречивости реальности. Реальность сейчас – это социальная рутина цифровизации. Сопротивление ей через отрицание – задача критической теории, в которой поддерживается дух диалектики и героического пессимизма Герберта Маркузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бальчиндоржиева О.Б., Золхоева М.В.* Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 90–97. DOI: 10.31857/S013216250016858-6.
- Григорьева Е.А.* Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 161–163. DOI: 10.31857/S013216250017771-1.
- Давыдова А.М., Солянова М.А., Соренсен К.* Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 217–240. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1797.
- Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
- Кравченко С.А.* Амбивалентности цифровизации: востребованность ее культурно-национальной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2.
- Немецкая социология / Под ред. *Р.П. Шпаковой*. СПб.: Наука, 2003.
- Смирнов А.В.* Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 39–50. DOI: 10.31857/S013216250022128-3.
- Тавокин Е.П.* Искусственность искусственной социальности // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 115–122. DOI: 10.31857/S013216250005488-9.
- Adorno T., Horkheimer M.* Dialektik der Aufklärung. Amsterdam: Querido Verlag, 1947.
- Baudrillard J.* Simulacres et simulation. Paris: Gallilée, 1981.
- Berry D.* Critical Theory and the Digital. London: Bloomsbury, 2014.
- Berry D.* Postdigital Constellation // Postdigital Aesthetics. Art, Computation and Design / Ed. by *D. Berry, M. Dieter*. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 44–57.
- Billić P.* A Critique of the Political Economy of Algorithms: A Brief History of Google’s Technological Rationality // TripleC. 2018. 16(1). P. 315–331.
- Bühl A.* Die virtuelle Gesellschaft. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 1997.
- Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford, UK: Blackwell, 1996.
- Delanty G., Harris N.* Critical theory and the question of technology: The Frankfurt School revisited // Thesis Eleven. 2021. Vol. 166(1). P. 88–108.
- van Dijk J., Nieborg D.* Wikinomics and Its Discontents: a Critical Analysis of Web 2.0 Business Manifestos // New media & Society. 2009. Vol. 11(4). P. 855–874.
- Fisher E.* Contemporary Technology Discourse and the Legitimation of Capitalism // European Journal of Social Theory. 2010. 13(2). P. 229–252.
- Fuchs C.* Critical Theory of Communication. New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet. London: University of Westminster Press, 2016.
- Fuchs C.* Social Media: A Critical Introduction. London: Sage, 2014.
- Fuchs C., Sevignani S.* What is Digital Labour? What is Digital Work? What’s their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? // TripleC. 2013. 11(2). P. 237–293.
- Hassan R.* The Condition of Digitality. A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life. London: University of Westminster Press, 2020.
- Horkheimer M.* Traditionelle und kritische Theorie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Jg. 6. H. 2. S. 245–294.
- Marcuse H.* One-Dimensional Man. Boston: Beacon, 1964.
- Marcuse H.* Philosophie und kritische Theorie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Jg. 6. H. 3. S. 625–647.

Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press, 2019.

Sharma P., Dash B. The Digital Carbon Footprint: Threat to an Environmentally Sustainable Future // International Journal of Computer Science and Information Technology. 2022. 14(3). P. 19–29.

Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill, 1995.

Статья поступила: 13.02.23. Финальная версия: 16.03.23. Подписана к печати: 28.04.23.

DIGITALIZATION AND CRITICAL THEORY OF SOCIETY

IVANOV D.V.^{*,**}, ASOCHAKOV Yu.V.^{*}

^{*}Russian Academy of National Economy and Public Administration; St. Petersburg State University, Russia; ^{**}St. Petersburg State University, Russia

---

Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Russian Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Department of Theory and History of Sociology (dvi2001@rambler.ru); Yuri V. ASOCHAKOV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. (yasochakov@yandex.ru). Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Acknowledgements. This work is supported by the Russian Science Foundation (grant 21-18-00125).

Abstract. The article is presenting a critical analysis of the digitalization discourse which is reflecting not social innovations but managerial and bureaucratic appropriation of virtualization routine practices. Empirical data collected in the authors' research show digital technologies usage turning into social routine in the Russian largest cities of Moscow and St. Petersburg. For a full revealing contradictions and true direction of digitalization, development of critical theory of society is proposed as continuation of the dialectical line of the Frankfurt School neo-Marxism evolution. The totality of domination structures and social control forms in postindustrial society is analyzed on the basis of algorithmic rationality conception introduced by the authors. Algorithmic rationality has replaced technological rationality of the late industrial age. Post-virtualization tendencies and micromovements in everyday life are considered to be an authenticity revolt against total digitalization / coercive virtualization of social life. That authenticity revolt is interpreted as an emancipation potential and escape from the algorithmic rationality realm.

Keywords: digitalization, critical theory, algorithmic rationality, post-virtualization.

REFERENCES

- Adorno T., Horkheimer M. (1947) *Dialektik der Aufklärung*. Amsterdam: Querido Verlag.
- Balchindorzhieva O.B., Zolkhoeva M.V. (2022) Digital Culture vs Cultural Originality (From the Experience of Preserving Chinese Cultural Identity). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 90–97. DOI: 10.31857/S013216250016858-6. (In Russ.)
- Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée.
- Berry D. (2014) *Critical Theory and the Digital*. London: Bloomsbury.
- Berry D. (2015) Postdigital Constellation. In: *Postdigital Aesthetics. Art, Computation and Design*. Ed. by D. Berry and M. Dieter. London: Palgrave Macmillan: 44–57.
- Bilić P. (2018) A Critique of the Political Economy of Algorithms: A Brief History of Google's Technological Rationality. *TripleC*. 16(1): 315–331.
- Bühl A. (1997) *Die virtuelle Gesellschaft*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Oxford, UK: Blackwell.
- Davydova A.M., Solyanova M.A., Sorensen K. (2021) Disciplinary Digital Self-Tracking Practices: Between Emancipation and Control. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 217–240. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1797. (In Russ.)
- Delanty G., Harris N. (2021) Critical theory and the question of technology: The Frankfurt School revisited. *Thesis Eleven*. 166(1): 88–108.
- van Dijck J., Nieborg D. (2009) Wikinomics and Its Discontents: a Critical Analysis of Web 2.0 Business Manifestos. *New Media & Society*. 11(4): 855–874.

- Fisher E. (2010) Contemporary Technology Discourse and the Legitimation of Capitalism. *European Journal of Social Theory*. 13(2): 229–252.
- Fuchs C. (2014) *Social Media: A Critical Introduction*. London: Sage.
- Fuchs C. (2016) *Critical Theory of Communication. New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet*. London: University of Westminster Press.
- Fuchs C., Sevignani S. (2013) What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? *TripleC*. 11(2): 237–293.
- Grigoreva E. A. (2022) Digital Inequalities: Causes, Forms, Consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 2: 161–163. DOI: 10.31857/S013216250017771-1. (In Russ.)
- Hassan R. (2020) *The Condition of Digitality. A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. London: University of Westminster Press.
- Horkheimer M. (1937) Traditionelle und kritische Theorie. *Zeitschrift für Sozialforschung*. 6 (2): 245–294.
- Ivanov D.V. (2000) *Virtualization of Society*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2022) The Ambivalences of Digitalization: The Demand of its National Cultural Model for Sustainable Development. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No: 9: 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2. (In Russ.)
- Marcuse H. (1937) Philosophie und kritische Theorie. *Zeitschrift für Sozialforschung*. No. 6 (3): 625–647.
- Marcuse H. (1964) *One-Dimensional Man*. Boston: Beacon.
- Selwyn N. (2019) *What is Digital Sociology?* Cambridge, UK: Polity Press.
- Sharma P., Dash B. (2022) The Digital Carbon Footprint: Threat to an Environmentally Sustainable Future. *International Journal of Computer Science and Information Technology*. 14(3): 19–29.
- Shpakova R.P., ed. (2003) *German Sociology*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Smirnov A.V. Russian Sociology in the Context of Society Digitalization: Results of the Corpus Analysis of Scientific Texts. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 4: 39–50. DOI: 10.31857/S013216250022128-3. (In Russ.)
- Tapscott D. (1995) *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill.
- Tavokin E.P. (2019) Artificiality of the «Artificial Sociality». *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6: 115–122. DOI: 10.31857/S013216250005488-9. (In Russ.)

Received: 13.02.23. Final version: 16.03.23. Accepted: 28.04.23.